

Технологии несилового разрешения международных и внутривнутриполитических конфликтов*

Англосаксонская культурно-цивилизационная модель
психологического воздействия на конфликты

Андрей Манойло,
Дипломатическая Академия МИД РФ

Существующие сегодня модели, способы, методы и технологии психологического воздействия на конфликтные ситуации имеют достаточно четко выраженные культурно-цивилизационные и национально-государственные особенности. В целом, все их разнообразие можно объединить в рамках четырех культурно-цивилизационных моделей (или направлений): англосаксонской (США, Великобритания и страны Британского содружества), восточноазиатской (Китай, Вьетнам, Малайзия, Тайвань, Япония), романо-германской (Германия, Франция, Италия, скандинавские страны) и ближневосточной (исламский мир: арабские страны, Иран, Пакистан, Турция, Индонезия).

Представители англосаксонского направления, в соответствии с протестантским мировоззрением, рассматривают урегулирование конфликтов в основном как возможность переделать, трансформировать мир под себя, под собственную модель общества. Именно эту цель преследует большинство раз-

рабатываемых США технологий информационно-психологического урегулирования конфликтов. Проблема борьбы с международным терроризмом почти превращается из политической в религиозную, когда президент США заявляет, что “каждая страна должна знать, что война с террором для Аме-

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2008. № 3.

рики является не просто политикой, а настоящим обетом”¹. Идеологема об обязательном, неизбежном и абсолютно безвозмездном экспорте демократии из США во все иные страны, еще не обладающие “истинными демократическими ценностями”, также построена в соответствии с протестантскими традициями и имеет четкий религиозный подтекст.

Англосаксонский культурно-цивилизационный подход к использованию современных технологий информационно-психологического воздействия на политические конфликты хорошо демонстрирует миротворческая деятельность США, базирующаяся на трех основных концепциях:

– “*силового умиротворения*”, то есть установления принципиального предпочтения использования вооруженной силы и иных силовых методов давления (в том числе – методов государственного терроризма) для разрешения политических конфликтов на условиях арбитра, то есть – самих США;

– “*мягкой силы*” или “*экспорта демократии*”, то есть на использовании методов принудительной трансформации политической картины мира под собственные стандарты и массированном применении информационно-психологических технологий “ненасильственного” изменения государственной власти (“бархатных революций”) в странах, которые не стремятся добровольно войти в кильватер внешней политики США;

– “*однополярного мира*”, то есть концепции формирования нового миропорядка с политической установкой на понижение роли, вытеснение из международного политического процесса и замещение собой в процессах урегулирования современных политических конфликтов международных организаций, призванных поддерживать безопасность и стабильность в

международных отношениях, – ООН, ОБСЕ.

Все три концепции, лежащие в основе миротворческой деятельности США, – это, по сути, классические психологические операции, в которых применение прямой вооруженной силы рассматривается в качестве сервиса по отношению к технологиям информационно-психологического управления массовым и индивидуальным сознанием населения как непосредственно в зонах международных конфликтов, так и вне их. В последнее время психологические операции такого характера в российских исследованиях принято объединять под общим названием “информационно-психологических войн”².

Сегодня технологии информационно-психологической войны широко используются Соединенными Штатами в международных конфликтах, в том числе в Югославии³, Афганистане, Ираке, Сомали, Руанде, в отношениях с Ираном, а в настоящее время – и в Кении, где на недавних президентских выборах к власти пришла пророссийски настроенная объединенная оппозиция. Особенно ярко это проявляется вокруг проблемы “международного признания независимости” Косово, где США для продавливания решения об отделении Косово от Сербии использовали весь доступный арсенал технологий психологического шантажа и информационных диверсий, направленный как на руководство Сербии, так и на страны ЕС, половина которых этот шаг албанских сепаратистов не поддерживает.

Вот почему сам термин “информационно-психологическая война” (ИПВ) имеет американское происхождение и перенесен на российскую почву из словаря военных кругов США^{4,5}.

Дословный перевод этого термина (“*information and psychological war-*

fare”) может звучать и как “информационное противоборство”, и как “информационная психологическая война” в зависимости от контекста.

Многозначность перевода данного термина на русский язык стала причиной разделения современных российских ученых на два соперничающих лагеря – на сторонников “информационного противоборства” и сторонников “информационной войны”, несмотря на то, что, на языке оригинала это, по существу, одно и то же.

Вводя в употребление термин “информационно-психологическая война”, американские ученые как гражданские, так и военные придерживаются традиционной для американской культуры прагматичной идеологии, ориентированной на ближайшую перспективу: используя термин “информационная война”, они формируют в сознании властных кругов и общественности в целом целевую установку на то, что в будущем эта форма отношений станет настолько развитой и эффективной, что полностью вытеснит традиционное вооруженное противостояние.

У американских экспертов в области психологических операций информационная война используется не столько как термин, обозначающий современную фазу развития конфликтных социально-политических отношений, сколько как вектор формирования внешней политики, как программа выбора политического курса и конечная цель эволюции инструментов политического управления.

Поэтому непрекращающиеся сегодня споры о том, правомерно ли называть современные информационно-политические конфликты информационными войнами или все-таки лучше использовать для этого термин “информационное противоборство”, вряд ли приведут в перспективе к существенным результатам.

В рамках англосаксонской концепции информационно-психологических войн собственно боевые действия играют подчиненную сервисную роль, а план вооруженной кампании строится по правилам и в соответствии со сценарием психологического воздействия на собственных граждан, на граждан политических союзников и оппонентов и на международное сообщество в целом.

Это заключение подтверждает война США в Ираке, которая, с некоторыми изменениями в политической и военной обстановке, фактически, продолжается до сих пор.

Действительно, Ирак рассматривается американским командованием как полигон для испытания новых средств и способов ведения войны, и, в первую очередь, для отработки в режиме реальных боевых действий новых тактических концепций и технологий информационно-психологического воздействия.

В политическом плане важность того, что происходит в Ираке, трудно недооценить: именно благодаря успешности избранной силами вторжения тактики ведения боевых действий страна не только была взята под контроль, но и появилась возможность строить планы принудительного возвращения в русло американской политики таких давних оппонентов как Иран и КНДР.

В научном плане многие ученые не перестают отмечать, что американо-иракский вооруженный конфликт развивается совершенно иначе, чем его предшественники, в военном аспекте действия американского командования представляются нелогичными, примитивными, не учитывающими местной специфики. Для внешних наблюдателей, следивших за конфликтом с помощью СМИ, странная (с военной точки зрения) медлительность коалиционных сил вблизи Басры дала повод говорить

о том, что США и их союзники либо ввязались в конфликт, не имея четких планов подавления иракской обороны, либо столкнулись с неожиданно сильным сопротивлением, к которому не были готовы. При этом боевые потери армии США в Ираке мгновенно собирали у экранов телевизоров значительную аудиторию американских граждан и, затем, четко фокусировали их внимание на тех материалах, которые подавались сразу после сводок с фронтов.

Если рассматривать версию об относительно слабой первоначальной готовности армии США к ведению боевых действий в Ираке, то это, конечно, не так: если бы американские войска приступили к операции в Ираке без заранее продуманного плана, вряд ли бы им это удалось с такими минимальными потерями и в такие короткие сроки. С точки зрения бизнеса, иракская операция была исключительно успешной формой реализации коммерческого проекта: за короткий срок административный контроль над обширной территорией перешел в руки союзного командования, которое теперь свободно распоряжается уцелевшей экономикой покоренной страны и богатейшими нефтяными месторождениями.

Это позволяет сделать вывод, что ни одно из действий американского командования не было случайным: в течение всей кампании перед мировым сообществом, выступавшем в роли внешних наблюдателей, инсценировался умело срежиссированный спектакль, рассчитанный на то, чтобы держать в постоянном напряжении зрительскую аудиторию, управляя ее эмоциями в интересах реализации собственной государственной политики.

Действительно, в течение нескольких месяцев миллионы зрителей по всему земному шару следили за многосерийными сводками боевых действий в Ираке, который по своей популярно-

сти вытеснил даже знаменитые “мыльные оперы”. При этом многие военные и гражданские эксперты отмечали, что ударные группировки союзников как будто позируют перед телекамерами и в боевые действия вступают только тогда, когда уже заранее известен их пиар-эффект.

Не случайно бывший заместитель министра обороны США Дж.Най указывает, что “войну в Заливе мир видел глазами CNN”⁶.

Действия американских военных строго рациональны: те события, которые по своим пиар-характеристикам не попадают в формат телевизионного вещания, не привлекают внимание командования союзников и их военные силы там не задействуются.

Все эти факторы дают ожидаемый психологический эффект: сценарий военной кампании строится так, чтобы обеспечить информационно-психологическое воздействие на американскую и международную общественность для обеспечения ее добровольного подчинения. Такой сценарий, по сути, есть новая разновидность технологий информационно-психологического воздействия на сознание, в котором с реальностью работают так, как это делают с сюжетом журналистского репортажа. При этом собственно боевые действия становятся одной из сцен, предусмотренных сценарием данной психологической операции, и теряют свою самостоятельную роль.

Современный вооруженный конфликт, с точки зрения сторонников англосаксонского подхода, развивается в формате политического репортажа и по законам этого жанра, с тем чтобы генерируемые им новости своим форматом максимально близко соответствовали формату телевизионного вещания и пиар-материала, необходимо-

го для реализации технологий информационно-психологического воздействия. В результате такая цепочка производства (боевыми подразделениями вооруженных сил) и практической реализации (силами психологических операций) новостей с театра военных действий становится высокотехнологичным конвейером производства инструментов обработки и формирования общественного мнения, обеспечения добровольного подчинения граждан, политического целеуказания и управления вектором политической активности элит, находящихся у власти в различных странах.

Продукт современной операции информационно-психологической войны – это сводка новостей СМИ в формате журналистского репортажа.

Кроме того, **современная агрессивная информационно-психологическая война сама порождает локальные войны и вооруженные конфликты**, которые становятся ее индикатором, “витриной” и основной формой политического проявления скрытых процессов, лежащих в ее основе. При этом собственно вооруженные конфликты играют в ней строго отведенную роль.

Для того чтобы запустить тот или иной боевой механизм информационно-психологического воздействия на сознание (или подсознание), необходим мощный толчок, стресс, способный вывести от природы устойчивую систему психики человека из равновесного состояния и активизировать в ней поиск новых защитных механизмов, адекватных стрессовой ситуации. В качестве такой защиты американские политтехнологи предлагают свою идеологию, мировоззрение, систему ценностей, замещающие в человеке прежние психологические механизмы защиты. Это, в конечном итоге, обеспечивает достижение главной цели любой современной

психологической операции – добровольную подчиняемость личности.

Такой эффект на психику человека способна оказать только внезапно возникшая угроза для его жизни: неизвестная медицине эпидемия (например, атипичная пневмония или птичий грипп), стихийное бедствие или война. При этом если наступление первых двух событий предсказать достаточно сложно, то войну или локальный вооруженный конфликт можно создать практически в любой точке земного шара и в тот самый момент, когда это предусмотрено сценарием психологической операции. Кроме того, угроза войны – идеальный инициирующий повод для психологического стресса: она одновременно направлена и на крупные страты (государства, нации, народности), и непосредственно на каждую личность в отдельности.

Таким образом, **на современной стадии развития политических технологий информационно-психологическая война не всегда начинается собственно с военных действий, но сами военные действия становятся необходимым фактором любой боевой психологической операции** в качестве средства инициирования цепных психологических реакций, предусмотренных сценарием психологической войны.

Война психологическая порождает войну локальную: для перехода психологической операции из латентной стадии в активную необходим инициирующий повод, а, следовательно, нужен локальный вооруженный конфликт. То, что в планах информационно-психологической войны традиционная война играет ограниченную, строго отведенную ей роль, не делает ее менее опасной, не сокращает ее масштабов и не вытесняет ее из сферы политических отношений – глобальные военные конфликты постепенно исчезают из политической жизни (в условиях ИПВ в них

больше нет необходимости), количество же локальных вооруженных конфликтов и частота их возникновения растет.

Наблюдающийся сегодня постепенный перенос политической борьбы в информационно-психологическую сферу увеличивает риск возникновения локальных вооруженных конфликтов: технологии информационно-психологической войны многим кажутся привлекательными именно в силу их относительной дешевизны, доступности и эффективности, а, следовательно, интенсивность их использования в политической борьбе будет только нарастать. Соответственно, будет увеличиваться и количество локальных вооруженных конфликтов, которые в психологических операциях играют роль иницирующего механизма так называемого “спускового крючка”. Это, в конечном итоге, ведет к распространению практики применения собственно вооруженного насилия: там, где начинается психологическая война, обязательно возникнет локальный вооруженный конфликт.

Большое значение в англосаксонских операциях психологической войны играют технологии консолидации потенциальных союзников и формирования политических мифов для поляризации международного общественного мнения, таких как образ “международного терроризма” и его персонифицированная версия – образ “террориста № 1” Усамы бен Ладена.

Борьба с международным терроризмом – это психологическая операция, которая позволила США вовлечь в кильватер своей политики целый ряд стран (как европейских союзников по НАТО, так и ряд стран на Ближнем Востоке), поставив некоторые аспекты их внешнеполитической деятельности под достаточно жесткий контроль.

В рамках этой психологической операции для правящих элит государств, не желающих примыкать к военной политике США, удачно создан объект коллективной борьбы, не имеющий национальности и государственной принадлежности так называемый международный терроризм, обладающий двумя важными качествами, используемыми как повод для вмешательства во внутренние дела любых стран: транснациональностью и трансграничностью. Для союзников США по НАТО образ международного терроризма – удобный повод для оправдания своего участия в военных конфликтах, иницируемых США, перед гражданами своих стран, так как, согласно политическому мифу о международном терроризме, они воюют не с конкретными народами и странами, а с общемировым “злом”, не имеющим ни национальной, ни территориальной принадлежности.

Для населения стран, вынужденных поддерживать политику США, создан более близкий для понимания персонифицированный образ международного терроризма в лице конкретного человека (Усамы бен Ладена) – человека чуждой для европейца культурной принадлежности, несущего персональную угрозу жизни и здоровью каждого (через террористические акты, от которых вряд ли кто-нибудь может быть застрахован).

Таким образом, избиратель, голосующий за вторжение в Ирак, Афганистан, получил возможность выразить свою ненависть не по отношению к абстрактному образу международной террористической угрозы (которая не воспринимается в сознании людей как угроза персональная, лично ему, его жизни и здоровью, его семье и т.п.), а по отношению к конкретному человеку, внешний вид и поведение которого

вызывает инстинктивный страх на самом обыденном, бытовом уровне.

В течение нескольких лет “международный террорист № 1” (еще один психологический прием) перемещался из страны в страну в той последовательности и очередности, в которой США планировали расширение и продолжение своих захватнических действий. И везде его перемещения служили еще одним весомым аргументом для вооруженного вторжения.

Это не только еще один пример использования технологий психологического воздействия, но и важный пример тиражируемости современных психологических технологий и их принципиальной применимости к различным политическим ситуациям.

Иной оттенок к использованию технологий психологического управления конфликтами имеет английский подход: в соответствии с опытом управления колониями, накопленным Британской империей, он предполагает более гибкие методы. В период своего расцвета Британская империя создала эффективную модель управления колониями и административный аппарат, деятельность которого в сочетании с колониальной политикой позволила накопить уникальный опыт гибкого “управления активами”, разнородными по своему составу, качеству и лояльности к центральной власти. Эта схема управления в коммерции находит свое применение в виде разнообразных холдинговых схем, очень гибких по отношению к любым изменениям рыночной ситуации. Эта же схема была заимствована Соединенными Штатами при раз-

работке психологических технологий управления конфликтами и кризисами, в которых конфликтные области рассматриваются в виде активов, готовых для внешнего управления.

Итак, современная англосаксонская модель видит процесс разрешения конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон под собственные политические нормы и стандарты (так называемый “демократический шаблон”), используя при этом как методы прямого силового давления (“силовое умиротворение”, “гуманитарные интервенции”, борьбу с “международным терроризмом”, концепция “жесткой силы”), так и методы непрямых действий (концепция “мягкой силы”, “бархатные революции”, психологическая война).

Однако основанная на этой модели политика Соединенных Штатов по мере ее реализации встречает все большее противодействие.

Не случайно известный специалист по американо-китайским отношениям Е.П.Бажанов указывает, что “Соединенные Штаты уже сейчас сталкиваются с негативными последствиями силового метода насаждения “передового образа жизни”¹.”

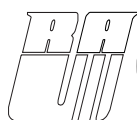
Прежде всего это касается стран Востока: Афганистана, Ирака, где силовые акции Вашингтона терпят поражение, вынуждая США искать новые подходы к анализу и практической реализации стратегических доктрин. При этом рождаются новые течения, школы, предлагаются новые технологии психологического воздействия на конфликты.

Примечания

¹ Красная звезда, 27.09.2002 г.

² Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика. М.: Горячая линия-Телеком, 2006.

- ³ *Шмелев Б.А.* Балканский кризис. Центрально-восточная Европа во второй половине XX века. Т. 3. Ч. 1. М., 2002.; *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы: Балканские войны XX в. М., 2000.
- ⁴ *Harley I.A.* Role of Information Warfare. Truth and Myths. NTIS, Naval War College. AP-A307348. USA, 1996. P. 24–57.
- ⁵ Information Warfare: Implications for Arms Control. Kings College London, ICSA. UK, 1998. P. 41–43.
- ⁶ *Най Дж.* После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. Июль – Сентябрь.
- ⁷ *Бажанов Е.П.* Неизбежность многополярного мира // Эволюция мирового порядка и внешнеполитическая стратегия России. М., 2003. С. 16.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.